

Глава VIII. ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ СКОТОВОДСТВА У РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Процессы этнокультурной адаптации к природным условиям освоенной территории наиболее ярко проявляются в таких взаимосвязанных областях культуры, как хозяйство и система расселения. Но поскольку эти процессы протекают весьма медленно (в течении веков) и практически сливаются в общей эволюцией хозяйства и системы расселения в сторону интенсификации и повышения плотности заселения, вычлнить собственно адаптивные изменения указанных компонентов культуры обычно оказывается весьма сложно, а то и вовсе невозможно.

Однако волею исторических обстоятельств в ряде случаев были поставлены своего рода эксперименты, когда группы переселенцев, попав в прежде незнакомую для них географическую среду, оказались вынуждены относительно быстро (в течении нескольких десятилетий) выработать хозяйственный уклад и систему расселения, соответствующие новым природным условиям. Как правило, большую роль при этом играли культурные контакты с местным населением и заимствование его опыта природопользования. Поэтому при этнографическом изучении переселенческих групп и их потомков особую важность приобретает вопрос о соотношении процессов адаптивного саморазвития (эволюции) исходной культурной модели и ее обогащения заимствованиями из культур местного населения. Очевидно, что для решения именно подобных проблем и требуется привлечение в первую очередь методов и фактических данных этнической экологии. История развития хозяйства русских старожилов Закавказья - молокан и духоборцев - служит одним из самых ярких примеров таких процессов культурной адаптации крестьянских общин в новых природных условиях.

В свете поставленной проблемы в данном очерке анализируется историческая динамика скотоводческой отрасли хозяйства и связанных с ней изменений в системах освоения территории и расселения на примере русского старожильского населения современного Азербайджана. Фактологической основой послужили полевые материалы автора /далее - ПМА/, собранные во второй половине 1980-ых гг. (1).

Указанное ограничение территориальных рамок обусловлено тем, что скотоводческое хозяйство русских крестьян Армении уже обстоятельно описано в монографии И.В.Долженко (2) и в ее очерке, включенном в данную книгу, а духоборческие и немногочисленные молоканские селения Грузии в силу особенностей развития в них скотоводства не представляют, с указанной точки зрения, особого интереса.

Стоит также отметить, что и динамике системы расселения русского старожильческого крестьянства Закавказья и освоения ими различных ландшафтных зон посвящен специальный очерк В.В. Степанова в данной книге, поэтому ниже рассматриваются лишь некоторые частные сюжеты из этой области, прямо связанные со спецификой развития скотоводства в старожильческих селах.

Современные селения русских старожилов Закавказья по большей части основаны в 1840-ые - 1850-ые г.г. высланными либо выехавшими к единоверцам членами отколовшихся от православия сект: молоканами, духоборцами и субботниками. Уже в Закавказье молокане разделились на несколько обособленных толков, а с конца XIX в. в молоканских селениях появились баптистские общины. Большинство русских селений изначально были поликонфессиональными (3). Однако сложный конфессиональный состав населения мало сказывался на хозяйственной жизни крестьянских общин - в каждом селе они функционировали как единое целое и имели выборного старосту (обычно представителя численно преобладавшей конфессии) с помощниками. Нигде не было и разделения сел на улицы или кварталы по признаку вероисповедания; даже кладбище, как правило, было одно, хотя внутри него и выделялись участки для захоронения родственников-единоверцев.

Переселение шло преимущественно из черноземных губерний лесостепной зоны России (Воронежской, Тамбовской) и Среднего Поволжья (Саратовская губерния). Часть ссыльнопоселенцев, в частности духоборцы, прибыли из Таврической губернии, куда они и их предки попали в самом начале XIX в. опять-таки из Центрально-Черноземного региона.

В местах выхода скотоводство русских крестьян было придомным - весь скот в течение года содержался в пределах присельского хозяйственного ареала (ПМА, 1989 г.). Летом животных пасли в окрестностях села, ежевечерне пригоняя стадо домой; зимой скот стоял в стойле на усадьбах владельцев. Такой вариант скотоводства, сохранившийся в личном хозяйстве до сего дня, обычно называют выгонным (4).

В Восточном Закавказье русские переселенцы встретили существенно иные природные условия и, соответственно, принципиально новые формы скотоводства местного населения. С точки зрения развития скотоводства, основной физико-географической осо-

региона является наличие обширных сезонных пастбищ (зимних равнинных и летних высокогорных), расстояние между которыми составляет от 50 до 150-200 километров. Безводные в летнее время полупустыни и сухие степи Куро-Араксинской низменности в XIX веке были практически незаселены, если не считать немногих приречных азербайджанских селений. Зимой же на эту низменность мигрировали со своими стадами полукочевые и кочевые родо-племенные группы азербайджанцев (падары, афшары и т.п.), а в некоторые предгорные районы Большого Кавказа спускались со скотом пастухи из селений оседлых горцев (лезгины и другие народы Дагестана). Основу как номадного, так и пастушеского скотоводства местных народов, базировавшегося на зимнем выпасе на равнинных пастбищах, составляло овцеводство.

Низкогорья и среднегорья Большого и Малого Кавказа изначально были покрыты лесами. В этой полосе, особенно в ее нижней части, где вызревают виноград и другие южные садовые культуры, сосредотачивались селения азербайджанцев, армян и татов. Высокогорья (альпийский и субальпийский пояса) занимали горные луга, издавна служившие летними пастбищами; многовековое их использование привело к почти полному уничтожению древесно-кустарниковой растительности в субальпике и значительному отступлению вниз верхней границы горных лесов. В среднегорной полосе, особенно на маршрутах сезонных перегонов скота, на месте бывших лесов также возникли участки горно-луговых и горно-степных пастбищ, использовавшихся весной и осенью.

Исторической особенностью Восточного Закавказья было то, что до присоединения региона к Российской империи в местных мусульманских ханствах привилегированное положение занимали мусульмане, и потому азербайджанские полукочевники также пользовались преимущественным правом на использование пастбищных угодий. Такое традиционное закрепление основной части пастбищ за скотоводами-номадами фактически сохранялось и в середине - конце XIX века. Вследствие этого, например, армянские селения низкогорной полосы, особенно основанные в первой половине XIX в. переселенцами из Турции и Ирана, практически не имели отдаленных сезонных пастбищ. Лишь к концу XIX в., по мере оседания значительной части полукочевников и соответственного уменьшения поголовья их скота, и, с другой стороны, укрепления социально-экономического положения армян, последние начали развивать овцеводство и арендовать с этой целью сезонные (чаще всего зимние равнинные) пастбища.

Таким образом, в хозяйстве армян Восточного Закавказья на протяжении XIX века по-

степенно усиливалась роль характерного для горцев Кавказа пастушеского скотоводства с использованием отдаленных

С. 117

от селений сезонных пастбищ. При этом во всех селениях армян, татов и оседлых азербайджанцев практиковалось (и чаще всего преобладало) придомное скотоводство, основывавшееся на разведении рабочего и молочного крупного рогатого скота и буйволов.

Несмотря на сохранявшееся абсолютное преобладание номадного скотоводства и почти монопольное использование летних высокогорных и зимних равнинных пастбищ Восточного Закавказья полукочевниками и кочевниками, русская администрация после включения региона в состав Империи не признала за этими традиционными землепользователями права на владение пастбищными угодьями. Пастбища перешли в казенную собственность, а пользовавшиеся ими скотоводы были вынуждены вносить за них арендную плату. Впрочем, эти меры правительства практически не вызвали принципиальных изменений в землепользовании местных народов: ни высокогорья, ни внутренние безводные участки Куро-Араксинской низменности нельзя было использовать иначе, чем как сезонные пастбища.

Однако отвод в собственность государства обширных пастбищных и лесных угодий Восточного Закавказья сделал возможным появление в регионе новых жителей - русских сектантов и армян, уходивших из Турции и Ирана: тем и другим участки под поселения отводились на казенных землях, не имевших постоянного (оседло-земледельческого) населения.

Формирование системы расселения русских сектантов в Закавказье прошло как минимум три этапа:

1) период "проб и ошибок" местной администрации, отводившей участки под первые русские селения (1830-ые - 1840-ые г.г.);

2) период основания большинства современных крупных сел в местах, самостоятельно выбранных ходоками (1840-ые - 1850-ые г.г.);

3) возникновение новых постоянных небольших поселений на сезонных пастбищах (1910-ые - 1920-ые г.г.).

Именно к такому заключению приводит анализ истории подавляющего большинства старожильческих селений, в которых проводились полевые исследования.

Так, на первом этапе, в 1830-ые и 1840-ые г.г. ссыльных сектантов обычно поселяли в местах, выбранных местной администрацией; примерами служат, в частности, Славянка (ПМА, 1987 г.), Кызыл-Кишляк, Топчи (ПМА, 1986 г. и 1989 г.). При этом с разрешения правительства позволялись переселения из одного селения в другое (как, например, уход

части будущих жителей Чухурюрта из Кызыл-Кишлака в Топчи, а затем из Топчи - в Ивановку и Чухурюрт - ПМА, 1986 г., 1987 г.). Отличительной чертой этого этапа было явное тяготение сектантских селений (кроме Славянки) к полосе предгорий - вероятно, из-за того, что эти местности в наилучшей степени обеспечены теплом, водой стекающих с гор рек и ручьев и плодородной

С. 118

почвой на относительно крупных и ровных участках. Земли эти были изъяты из казенных зимних пастбищ и предлагались русским поселенцам как территории с наивысшим в регионе агропотенциалом. Таким образом, на этом этапе главным критерием выбора участков под поселения выступало удобство для развития земледелия и, в меньшей степени, садоводства. Кроме вышеназванных, в эти же годы и в сходных природных условиях возникли селения на южной окраине Муганской степи - Пришиб, Привольное и другие.

Однако опыт административного выделения мест под селения русских сектантов оказался неудачен - большая их часть была заброшена в течение десятилетия, а сохранившиеся села в равнинно-предгорной южной Мугани в демографическом отношении развивались намного хуже, чем горные селения. В предгорьях и на равнине русские поселенцы в основном страдали от прямого воздействия неблагоприятных факторов природной среды - условиях субтропического климата они болели малярией, сильно страдали от бактериологически загрязненной питьевой воды и летней жары, поскольку их материальная и санитарно-бытовая культура не соответствовали этим новым условиям. Хозяйство переселенцев в первые годы также не отличалось особыми успехами - видимо, навыки орошения полевых и огородных культур вырабатывались или заимствовались довольно медленно, а выгорание трав в летний период очень затрудняло разведение рабочего и молочного скота.

Однако близость горных территорий с совершенно иными природными условиями способствовала сравнительно скорому переселению русских сектантов в местности с более привычным климатом. Эти переселения ознаменовали начало второго этапа заселения русскими крестьянами Восточного Закавказья - поселенцы из предгорно-равнинных или других неудачно, с их точки зрения, расположенных сел через выделенных из своей среды ходоков стали выбирать под новые поселения участки в среднегорной полосе (от 700 до 1600 метров над уровнем моря), и чаще всего в ее верхней, наименее заселенной части. Земли эти принадлежали казне, представляя собой осенне-весенние пастбища на традиционных маршрутах сезонных перегонов скота или - леса и кустарники. Таким образом возникли Чухурюрт, Ново-Саратовка, Ново-Ивановка (ПМА, 1986 г., 1987 г.). Одновременно с этим новые переселенцы, прибывавшие к своим единоверцам из России, старались учитывать подобный

опыт и потому оседали поблизости от самостоятельно возникших в горах селений более ранних поселенцев (так появились, например, Ново-Горелое и Кировка, т.е. бывшая Марьевка - ПМА, 1986 г., 1987 г.). Впрочем, ошибки в выборе места случались и на этом этапе, поэтому переселенцы иногда переносили свои селения из первоначального в еще более удобное место в пределах выбранной территории (такова была

С. 119

история Ивановки, Ново-Горелого, Ново-Саратовки - ПМА, 1987 г.). Стоит также отметить, что, несмотря на достаточно большую высоту русских старожильческих селений над уровнем моря, они обычно располагались на платообразной местности либо в особо широких участках межгорных долин.

Итак, процесс формирования современной системы расселения русских старожил Восточного Закавказья был далеко не простым, и большинство крестьянских общин как минимум однажды переносили свои селения, зачастую - из одного ландшафтного пояса в другой. Основой для принятия такого рода решений служил выбор представителей этих общин - ходоков, которые ориентировались на два основных условия:

1) благоприятная среда обитания (нежаркое лето и, следовательно, отсутствие малярии; наличие чистой питьевой воды);

2) привычные условия для хозяйства (возможность неорошаемого земледелия; наличие летних выпасов у села; близость леса - источника топлива и строительных материалов).

Расселение в среднегорной полосе поставило русских поселенцев в непростые экономические условия. Суровый в ряде случаев климат и, практически повсеместно, каменистые и подверженные водной эрозии почвы на склонах, а также общий недостаток пригодных под пашни больших выровненных участков несколько ограничивали возможности развития полеводства. Нехватка пахотных угодий особенно обострилась к началу XX века, когда население за счет миграций в горные села и высокого естественного прироста во многих случаях выросло в несколько раз при неизменной площади хозяйственного ареала русских селений. Частичным выходом из создавшегося положения стала аренда пашен в окрестных селениях местных народов. С другой стороны, вблизи русских селений в горах оказалось довольно много участков на крутых склонах с малопродуктивными почвами, непригодными для распашки, но оказавшихся неплохими пастбищами с невыгорающей летом травой. По мере вырубки лесов и развития эрозии на распаханых склонах доля таких пастбищных угодий постепенно возрастала. Таким образом, по мере роста численности русских поселенцев возможности дальнейшего развития и реальное значение в хозяйстве земледе-

лия уменьшались, а скотоводства - напротив, возрастали.

Горные территории с пересеченным рельефом в силу ряда причин (крутые склоны, наличие скальных выходов или каменистых участков) отличаются, как правило, значительной долей неиспользуемых в сельском хозяйстве земель и труднопроходимым характером местности. Поэтому хозяйственные ареалы русских селений в среднегорьях Восточного Закавказья были относительно большими по площади и многие пастбищные участки в их периферийных частях не имели связи

С. 120

с селениями по грунтовым колесным дорогам. На эти дальние выпасы гулевой крупный рогатый скот и овец угоняли практически на все лето. Мужчины-пастухи жили там, ночуя под бурками у костров либо в шалашах; еженедельно они меняли друг друга или же навещались в село (в баню, за продуктами, и т.п.). Однако при этом молочный и рабочий крупный рогатый скот и лошадей пасли на присельских выгонах и на ночь пригоняли на усадьбы владельцев. Зимой все поголовье проводило в стойлах в селе. Именно так было организовано скотоводство, например, в Ново-Ивановке (ПМА, 1987 г.). Впрочем, подобная картина содержания скота по сезонам года иногда встречалась и в степной России, особенно в многоземельных казачьих районах. Скотоводство при этом не выходит за пределы присельского хозяйственного ареала и потому остается по-прежнему придомным; не вносит оно изменений и в систему расселения.

Иное положение сложилось в селениях шемахинских молокан, которые, в отличие от расположенной в глубине Малого Кавказа Ново-Ивановки, жили гораздо ближе к равнине (соответственно 40 - 100 и более 200 километров). Уже во второй половине XIX века Астраханка, Кировка (Марьевка) и Чухурюрт регулярно пользовались зимними пастбищами у реки Куры; некоторые пастбищные участки были включены в земли крестьянских общин, а другие постоянно ими арендовались (ПМА, 1986 г., 1989 г.). Расстояние от селения до равнинных зимних пастбищ преодолевали на конных фургонах за 1 - 2 дня, но зимой контакты с селом практически прерывались.

Летнее содержание скота в этих шемахинских селениях практически не отличалось от того, что было принято в Ново-Ивановке. Зимой же на стойловом содержании на усадьбах владельцев в селе оставался лишь молочный и рабочий скот, а гулевой крупный рогатый скот и овцы отгонялись на низменность. Там каждое селение имело постоянный "хутор", состоявший из "хатенок" (саманных домов-временок) или полуземлянок; рядом с жильем стояли "базы" - открытые загоны для скота с глухой саманной стеной и навесом с одной стороны.

В указанных шемахинских селениях зимними пастбищами пользовались от половины до трети хозяйств, то есть те, кто имел наибольшее количество скота. Такие семьи, часто неразделенные (то есть многопоколенные), выделяли одного - двух молодых мужчин, а изредка и молодую семейную пару, и те со скотом уходили на зимний выпас на низменность на всю зиму. В ряде случаев отдельные хозяйства родственников пользовались общим жилищем и базом. На ночь каждый хозяин загонял своих животных в собственный баз, а для дневного выпаса односельчане объединяли скот в одно стадо и пасли его поочередно.

С. 121

Таким образом, хозяйственный ареал каждой из этих крестьянских общин состоял из основного массива пахотных, сенокосных, пастбищных и лесо-кустарниковых угодий вокруг селения (в среднегорной лесной полосе), а также еще из одного - двух изолированных и отдаленных на многие десятки километров пастбищных участков на полупустынно-степной низменности. Во время зимнего выпаса часть населения (пусть и численно очень малая) постоянно проживала вне села на этих отдаленных сезонных хозяйственных участках. Пространственная разделенность участков сельского хозяйственного ареала и принципиально отличающиеся друг от друга природные условия этих частей, в сочетании с сезонной миграцией части работников на отдаленные пастбища, дают все основания считать скотоводство в этих старожильческих русских селениях пастушеским.

Утвердившись к концу XIX века, указанная форма перегонного скотоводства в селениях шемахинских молокан вызвала вскоре и изменения в системе расселения - на месте сезонных зимних "хуторков" в ряде случаев возникли небольшие постоянные села, например - Чоль на землях Кировки (Марьевки). Первые шаги к превращению сезонных поселений в постоянные начались еще с конца XIX века, когда некоторые хозяева стали практиковать весенние посевы на своих "хуторках" и тем самым оставаться там и после отгона скота на летние пастбища у основного селения.

Однако до революции местная администрация запрещала переводить казенные зимние пастбища в пахотные угодья, с тем чтобы не затруднять развитие скотоводства в регионе и не нарушать образ жизни и хозяйство достаточно многочисленных в крае скотоводческих групп населения. После революции произошел передел земель, и участки зимних пастбищ полностью вошли в состав земельных угодий соответствующих крестьянских общин, в том числе и молоканских. Поэтому именно в 1920-ые годы окончательно сложились постоянные равнинные села на месте некоторых прежде сезонно обитаемых молоканских "хуторков" (ПМА, 1989 г.).

Развитие скотоводства в старожильческих русских селениях Восточного Закавказья

зья способствовало сложению еще одной, как бы переходной между вышеописанными, модели хозяйства и расселения. Это имело место, например, в расположенных достаточно далеко от равнины Ново-Саратовке и Славянке (ПМА, 1987 г.). Летнее содержание скота здесь также не отличалось принципиально от того, что было в других молоканских селениях и, в частности, в близлежащей Ново-Ивановке. Однако зимой, когда весь молочный и рабочий скот стоял в стойлах на усадьбах владельцев, многие самые зажиточные хозяйства (составлявшие не более трети дворов) устраивали для своего гулевого крупного рогатого скота и овец особые "хуторки" в

С. 122

периферийных частях присельского хозяйственного ареала, то есть в 4 - 6 километрах от села.

"Хуторок" каждого хозяйства стоял отдельно от других "хуторков" (в отличие от сезонных зимних поселков пастухов шемахинских молокан) и представлял собой жилую полуземлянку и помещение полуземляночного типа для скота. Работавшие и жившие там зимой взрослые сыновья главы семейства обычно менялись еженедельно, а наемные пастухи, оставаясь на таких "хуторках" весь зимний сезон, тем не менее еженедельно либо даже чаще приходили в селение. Выбор места под "хуторок" был обусловлен наличием "пригревов" - пастбищ на южных склонах и, в меньшей мере, богатых и недоступных для конного фургона сенокосов. Это объясняется тем, что в среднегорьях Восточного Закавказья различие в теплообеспеченности склонов северной и южной экспозиции столь же велико, как и между ландшафтами одной экспозиции, различающимися по высоте расположения над уровнем моря на 700 - 900 метров. Поэтому на "пригревах" даже в условиях среднегорья снег более нескольких дней не держится и в холодные зимы. Пользуясь этим и имея страховочные запасы сена, богатые крестьяне держали на таких "хуторках" овец почти всю зиму на подножном корму, но крупный рогатый скот на тех же "хуторках" находился в условиях стойлового содержания с эпизодическим выпасом на южных склонах в особо мягкие зимы. В теплый период года эти "хуторки" и их окрестности пустовали, с тем чтобы скот не стравливал пастбища и сенокосы.

В данном случае скотоводство, не выходя за пределы единого присельского хозяйственного ареала и потому оставаясь, условно говоря, придомным (в противоположность отгонному, базирующемуся на использовании пространственно отдаленных пастбищ), тем не менее привело к усложнению системы расселения, вызвав к жизни сезонно обитаемые хозяйственные базы вне селения. С точки зрения эволюции системы расселения в этом случае можно провести параллели с сезонными "заимками" старожильческого русского

населения Сибири, например, сибиряков или староверов ("семейских") Забайкалья.

Еще один специфический вариант развития форм скотоводства в русских селениях Восточного Закавказья был отмечен в духоборческой Славянке и молоканской Ивановке (ПМА, 1987 г.). Здесь небольшая прослойка самых богатых крестьян, перешедших в сущности к товарному хозяйству, к началу XX века превратилась в крупных овцеводов и стала регулярно арендовать казенные зимние равнинные пастбища, расположенные в примерно 150 километрах от селения. Летом же отары овец чаще всего пасли на присельских пастбищах, но иногда под летний выпас арендовали и высокогорные пастбища в 30 - 50 километрах от селения. На пастбищах, особенно отдаленных,

С. 123

работали преимущественно наемные чабаны-азербайджанцы, но с каждой отарой обычно уходил и один из взрослых сыновей хозяина овец. Впрочем, выраженная товарность (производство шерсти и разведение "заводских", то есть специально ввезенных меринсовых либо смешанных пород овец) и преобладающая роль наемных пастухов из местного населения не позволяют рассматривать эту форму скотоводства как характерную для собственно крестьянских русских общин Закавказья.

Итак, скотоводство молокан и духоборцев Восточного Закавказья менее чем за полвека приобрело формы, нигде более не встречавшиеся у русских крестьян; в значительной мере оно повлияло и на трансформацию системы расселения. Кроме того, необходимость постоянного выделения нескольких работников для ухода за многочисленным поголовьем скота вне селения, на сезонных хозяйственных базах, во многом способствовала широкому распространению среди русских старожилов Закавказья больших (многопоколенных) семей.

В сущности, сезонный отход пастухов на отдаленные от основного селения сезонные пастбища; включение в хозяйственный ареал одного селения пространственно изолированных друг от друга и разделенных значительными расстояниями участков из различных ландшафтных зон и поясов; наличие сезонно обитаемых хозяйственных баз вне села и часто – вне присельского ареала; практика доения овец и широкое употребление в пищу сыров, в первую очередь из овечьего молока - все эти параметры характерны для особого хозяйственно-культурного типа горных оседлых (с сезонным отходом части работников на отдаленные пастбища) земледельцев и скотоводов. Таким образом, в культуре русских поселенцев Восточного Закавказья относительно быстро возникли эти принципиально новые элементы, которые оказались практически идентичны тем, что существуют в культурах оседлых горцев региона. С другой стороны, консервация исходных черт южно- и средне-

русской модели культуры либо иной путь адаптивной эволюции в таких областях хозяйства и материальной культуры, как полеводство и огородничество, ремесла и промыслы, пища, одежда, жилище и планировка поселений, в итоге не дают оснований для отнесения русских поселенцев Восточного Закавказья к ХКТ оседлых горцев.

Констатация отмеченного сходства форм скотоводства и связанных с ними особенностей расселения русских старожилов Закавказья с таковыми оседлых горцев региона ставит вопрос о причинах подобного явления.

Объяснить отмеченное сходство прямыми заимствованиями из культур местных народов невозможно в силу двух основных причин. Во-первых, практически все материальные атрибуты даже пастушеских

С. 124

форм скотоводства (например, одежда или временные и сезонные жилища пастухов; загоны и крытые помещения для скота; орудия заготовки и состав зимних кормов; знаки для клеймения животных, и т.п.) принципиально отличают русских старожилов от армян, татов или дагестанцев. Во-вторых, в большинстве случаев практически отсутствовали сами возможности для заимствования русскими приемов пастушеского скотоводства у оседлых горцев, поскольку полукочевые и кочевые азербайджанцы традиционно использовали большинство сезонных пастбищ края, тем самым сдерживая развитие экстенсивных форм скотоводства у других жителей региона. К тому же ближайшими соседями русских поселенцев в основном были именно азербайджанцы - как оседло-земледельческие их группы, так и полукочевые скотоводческие.

Кроме того, именно полукочевые азербайджанцы повсеместно считались самыми искусными пастухами и поэтому почти всегда, когда в чабаны нанимали кого-либо со стороны, ими становились азербайджанцы - так было и в русских, и в армянских селениях Восточного Закавказья. В теплый период года полукочевые группы азербайджанцев-скотоводов неоднократно проходили по землям русских селений либо вообще оставались на летние кочевки поблизости от них. Размещение русских старожильческих селений также приводило к тому, что они всегда соседствовали с селами оседлых азербайджанцев, и не часто - с селениями татов или армян.

Нет оснований и говорить о прямом заимствовании русскими сектантами форм скотоводства у полукочевых или кочевых групп азербайджанцев.

Оседлые же азербайджанцы практиковали придомное скотоводство без сезонных хозяйственных баз и дальних отгонов скота, тем самым не отличаясь в этом плане от первых русских поселенцев. Помимо сохранившегося различия в ряде существенных материаль-

ных атрибутов скотоводства, русские старожилы нигде не перешли к свойственной кочевникам и полукочевникам (вне зависимости от степени подвижности последних или удельного веса скотоводства в их хозяйстве) неоседлой модели освоения хозяйственного ареала, требующей сезонных перемещений со скотом полных или почти полных семей скотоводов, включающих и неработающих членов (детей и стариков, например). Напротив, у русских старожилы Восточного Закавказья, как и у оседлых горцев Кавказа, на отдаленные сезонные пастбища со скотом уходили только некоторые работники, то есть всегда лишь меньшая часть членов большой (неразделенной) семьи, ведущей совместное хозяйство. Кстати, по своему влиянию на семейно-социальную структуру крестьянской общины этот отход пастухов находит близкие параллели не только в "заимочном" хозяйстве русских старожилы Сибири, но и в широко распространенных в центральных районах России отхожих промыслах.

С. 125

Еще одно принципиальное различие форм пастушеского скотоводства русских в их сравнении с пастушеским скотоводством оседлых горцев либо кочевым и полукочевым скотоводством части азербайджанцев - сохранившаяся преимущественная ориентация русских старожилы на разведение крупного рогатого скота, а не овец. Скотоводство местных народов основывалось на содержании овец, сезонно перегонявшихся с летних на зимние пастбища, тогда как русские сектанты стали таким же образом содержать гулевой крупный рогатый скот и лишь небольшие отары овец.

Видимо, главную роль в возникновении у русских старожилы Закавказья новых для них форм скотоводства, в том числе пастушеского, или отгонного, сыграло знакомство и заимствование местной практики зимнего выпаса скота на равнинных пастбищах и на "пригревах" (склонах южной экспозиции). Это могло произойти как в результате наблюдения за своими соседями - кочевыми и полукочевыми азербайджанцами, так и в результате найма в сельские пастухи потерявших свой скот и обедневших номадов-азербайджанцев. Процесс перехода к зимнему выпасу скота и сложение на этой основе новых для русской культуры форм пастушеского скотоводства занял менее 40 лет - например, уже в начале 1880-ых г.г. шемахинские молоканские селения постоянно пользовались зимними пастбищами у реки Куры.

Таким образом, у попавших в непривычные природно-экологические условия Восточного Закавказья русских переселенцев произошло ускоренное адаптивное развитие ряда элементов культуры (в данном случае – в сфере скотоводства) за счет заимствования принципа использования ранее им неизвестных природных ресурсов (зимних пастбищ) и выра-

ботки собственных социо-культурных механизмов их эксплуатации (форм скотоводства), которые, однако, сложились в полном соответствии с определяющими чертами исходной модели русской культуры (оседлость семей скотоводов, преимущественная ориентация на разведение крупного рогатого скота).

* * *

1. Полевые материалы А.Н. Ямскова (тетради №№ 1 - 9) хранятся в Архиве Института этнологии и антропологии РАН (г. Москва), фонд "Комплексной межинститутской этноэкологической экспедиции по изучению русских поселенцев на Кавказе" (1986-1992 гг.; научный руководитель - проф. В.И. Козлов). Далее в тексте приводятся отсылки только на год, когда были сделаны соответствующие записи; район работ ясен из контекста, а номер полевой тетради может быть установлен по времени ее заполнения.

2. Долженко И.В. Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении (конец XIX - начало XX в.в.). Ереван: изд. АН АрмССР, 1985, С. 65-84.

С. 126

3. По состоянию на 1886 год из 32 русских селений Азербайджана только 14 могли условно считаться моноконфессиональными: старообрядческая Вель (в которой вместе жили последователи австрийского, поморского и беспоповского толков – ПМА, 1989 г.), субботническое Привольное (жители которого делились на обособленные религиозные общины геров и собственно субботников – ПМА, 1989 г.), четыре действительно чисто духоборческих (Славянка, Ново-Троицкое, Ново-Горелое, Ново-Спасское) и восемь молоканских сел. В последних чаще всего вместе жили общины постоянных молокан, прыгунов, максимистов и еще более малочисленных подразделений молоканства; в Армении, например, образование новых молоканских «толков» типа «шутовцев» в селе Лермонтово (бывшая Воскресеновка) происходило даже в 1970-ые годы (ПМА, 1987 г.).

Еще в 18 селениях жили молокане различных (часто нескольких в одном селе) толков, в том числе в четырех – с субботниками и баптистами, в девяти – с субботниками, в трех – с баптистами, в двух – с православными и «другими сектантами» – см.: Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893 (подсчеты автора).

4. О терминологии и дефинициях скотоводческого хозяйства, используемых в данном

очерке, см.: Ямсков А.Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа // Советская этнография, 1986, С. 24-25; его же – Этно-экологический подход к классификации форм скотоводства. (На примере традиционного хозяйства народов Кавказа) // Этническая культура: Динамика основных элементов. М.: изд. ИЭ АН СССР, С. 5-17.